
С. В. Мироненко

АЛЕКСАНДР I И ДЕКАБРИСТЫ

Россия в первой четверти XIX века
Выбор пути

 КУЧКОВО
ПОЛЕ

МОСКВА
2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
М64

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мироненко С. В.
М64 Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. — М.: Кучково поле, 2016. — 400 с.

ISBN 978-5-9950-0700-5

Книга известного российского историка и архивиста, научного руководителя Государственного архива Российской Федерации, профессора, заведующего кафедрой исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Сергея Мироненко посвящена истории России первой четверти XIX века. Автор исследует проблемы политической истории, пытается найти ответ на вопросы: почему в это время Россия не стала конституционной монархией, и не было отменено крепостное право. Казалось, для этого были все предпосылки. Как доказывает автор, Александр I понимал необходимость коренного преобразования отживших своей век основ российской жизни — неограниченного самодержавия и крепостного права. По его распоряжению был подготовлен проект конституции для России и проекты решения крестьянского вопроса. Передовая часть тогдашнего российского общества — молодые офицеры, сплотившиеся в тайные общества, стремились к тому же. Декабристы не сразу решились добиться своих целей силой. Только окончательно поняв, что правительство отступило от проведения реформ, они решились на вооруженное восстание. Не получилось ни у Александра I, ни у декабристов. В чем причины этого? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена настоящая книга.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0700-5

© Мироненко С. В., 2016
© Оформление. ООО «Кучково поле», 2016

<i>Введение</i>	9
<i>Глава 1.</i> Александр I. Воспитание. Первая половина царствования	14
<i>Глава 2.</i> Возникновение первого тайного общества	43
<i>Глава 3.</i> Александр I. Вторая половина царствования. Попытки приступить к реформам	66
<i>Глава 4.</i> «Не мне их наказывать...»	114
<i>Глава 5.</i> Как в России не было отменено крепостное право и почему Россия не стала конституционной монархией	150
<i>Заключение</i>	189
 Приложения	
Крестьянский вопрос в трудах декабриста М. А. Фонвизина	195
Записка Фонвизина «О социализме и коммунизме»	233

Был ли М. А. Фонвизин автором записки «О повиновении вышней власти» 1823 г.	258
Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов . . .	271
Биографический справочник декабристов. Принципы издания	301
Московский заговор 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии	337
П. И. Пестель. Создание «Русской Правды»	349
14 декабря 1825 года. Восстания могло не быть	366
Именной указатель	383

АЛЕКСАНДР I И ДЕКАБРИСТЫ

Россия в первой четверти XIX века
Выбор пути

Россия начала XIX века. Страна, необъятная по размерам, границы которой простираются от Сибири и Дальнего Востока до Западной Европы, от Черного моря до Северного Ледовитого океана. И дело даже не в огромных размерах, а в неимоверной сложности управлять огромной империей из одного центра. Император Александр I, получивший за любовь к поездкам прозвище «кочующий деспот» (А. С. Пушкин: «Всю жизнь провел в дороге, простыл и умер в Таганроге»), не сумел побывать и в десятой доле российских городов. Страна по преимуществу сельскохозяйственная. Почти все население сосредоточено в сельской местности, и лишь незначительная его часть живет в городах. Уровень развития сельского хозяйства крайне низок. Оно ведется по старинке, примитивными сельскохозяйственными орудиями, которые столетиями остаются неизменными. Лишь отдельные помещики применяют в своем хозяйстве машины и пользуются достижениями современной агрикультуры. Подавляющее большинство крестьян находится в рабской зависимости от частных владельцев (помещиков) и государства и не имеет никаких стимулов к ведению хозяйства на современный лад¹. Низкий уровень промышленного развития очевиден². Да и промышленность,

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2006. Часть первая. Великорусский пахарь в XVIII столетии.

² Струве П. Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М., 1913; Лященко П. И. История народного хозяйства в СССР. М., 1956. Т. 1; Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966; Очерки экономической истории России в первой половине XIX в. М., 1959.

которая возникла в результате петровских преобразований, работает в основном для нужд армии и использует по преимуществу рабский труд крепостных крестьян. Вольнонаемный труд только-только начинает пробивать себе дорогу. Политическое устройство страны консервативно, если не сказать больше. Государственная власть, как и прежде, персонифицирована в фигуре императора. Он одновременно и источник власти, и сама власть. Больше того, в глазах подданных огромной Российской империи он помазанник Божий.

Однако с петровских времен, а то и раньше, взгляды россиян устремлены уже не на Восток, а на Запад. Петр не только поднял Россию «уздой железной... на дыбы» (выражение А. С. Пушкина), но и решительно и бесповоротно повернул ее лицом к Западу. Там, в западных странах, одни россияне искали образцы для подражания, другие постепенно обретали зримого врага, стремящегося, по их мнению, разрушить самобытность вековых устоев русской жизни. Но западное влияние с течением времени становилось все более и более ощутимо. И дело не только во французском языке, отделяющем господ от простого люда, не только во всепроникающем влиянии западной культуры: литературы, архитектуры, живописи, научных достижений. Главное — распространение идей. Великая французская философия, благодаря которой XVIII столетие назвали веком Просвещения, постепенно принесла с собой новые идеи и на русскую почву. Идеи энциклопедистов, развитые в начале XIX века европейскими мыслителями, и прежде всего Бенжаменом Констаном, в стройные политические концепции народного представительства, разделения властей, верховенства закона, исходящие из представления о народе как источнике законов, о равенстве всех людей перед законом, недопустимости обладания человеком человеком и прочие, с большим трудом, но все же проникали в сознание образованной части российского общества.

Конечно, основная масса дворянства оставалась косной и приверженной идеалам старины. Это касалось всех слоев тогдашнего образованного и не очень образованного российского общества. Но все-таки тенденция с течением времени становилась все более очевидной. Екатерина II переписывалась с Вольтером и Дидро. Последний, собственноручно переписав свои основные произведения, с почтением отослал их «Северной Авроре» и даже несколько месяцев по приглашению императрицы прожил в новой столице империи — Санкт-Петербурге. Екатерина в своем наказе Уложенной комиссии стара-

лась, что называется, не ударить в грязь лицом и предстать перед всем миром «философом на троне». Даже французская революция, сильно пошатнувшая представления императрицы о благодетельности новых идей и заставившая ее пересмотреть свое отношение к революционной Франции, не привела к ее полному разочарованию в идеях века Просвещения¹. Принципам, заложенным в наказе, написанном самой Екатериной, не суждено было осуществиться. Но идеи, однажды возникшие и овладевшие умами коронованных особ и передовых русских людей, не исчезли бесследно. Наследник российского престола, будущий император Павел I уже предметно размышлял о конституции для России. Мы, к сожалению, мало знаем о конституционном проекте Фонвизина — Панина, но одно несомненно: он существовал и занимал ум «русского Гамлета»². Пусть это был проект аристократической конституции на манер шведской, пусть он преследовал интересы сановной верхушки страны, продолжая в какой-то степени линию «верховников», попытавшихся ограничить власть Анны Иоанновны «кондициями». Не в этом суть. Главное — идея законодательного ограничения самодержавной власти обсуждалась в кабинетах верховной власти. Как не была чужда Екатерине и мысль о необходимости освобождения крестьян.

В начале XIX века эти идеи получили новое развитие, и их обсуждение и властью, и обществом обрело новые формы. До сих пор в историографии реформаторские попытки власти и общества рассматривались в отрыве друг от друга. В советской историографии такой подход был доведен до крайности. Пальма первенства в попытках открыть перед страной новые горизонты, определить новый вектор ее развития, безусловно, отдавалась деятелям революционного движения — декабристам, которые самоотверженно боролись с косным и реакционным самодержавием³. И, на первый взгляд, в таком подходе была своя логика. Ведь власть жестоко подавила попытку, предпринятую 14 декабря 1825 года частью российского общества, повернуть страну на новый путь развития. Но это верно только на первый взгляд. Исследователи старались не замечать и даже игно-

¹ Каменский А. Б. «Под сению Екатерины»... СПб.: Лениздат, 1992; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.

² Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988; Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982; Песков А. М. Павел I. М.: Молодая гвардия, 1999.

³ Нечкина М. В. Движение декабристов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. I, II.

рировали очевидные факты — стремление Александра I разработать пути постепенного освобождения крепостных крестьян и введения в России представительного монархического правления. Задача, однако, состоит не в противопоставлении одного другому, а в выяснении причин неудач осознаваемой и верховной властью, и радикально настроенной частью российского общества необходимости коренной модернизации страны.

Поэтому, задавшись целью рассмотреть вопрос о том, как власть и передовое дворянство, объединившееся в начале XIX века в тайные декабристские общества, размышляли о путях развития страны, что делали (или не делали) для реализации намеченных планов преобразований, нужно прежде всего спокойно и взвешенно проанализировать намерения и действия и тех, и других. На первый план здесь выступает фигура императора Александра I. Ведь все в огромной Российской империи происходило по его повелению и от его имени. Конечно, император жил и действовал не в безвоздушном пространстве. Его окружали советники и умудренные опытом государственные мужи — высшие чины государства, его оплотом было российское дворянство и чиновничество (бюрократия). Без их одобрения (пусть даже молчаливого) трудно было рассчитывать на успех преобразований, затрагивавших вековые основы Российского государства. Будучи самодержавным правителем, император тем не менее был ограничен в своих реформаторских устремлениях. И даже не столько удавкой, которая, по меткому выражению знаменитой французской писательницы Жермены де Сталь, ограничивала самовластье российских императоров¹, сколько невозможностью без поддержки не только правящей политической элиты, но и определенной части общества проводить в стране коренные изменения.

Однако и без анализа места тайных обществ декабристов в отечественной истории первой четверти XIX века при рассмотрении заявленной проблемы не обойтись. Отечественная война 1812 года и последовавшие за ней заграничные походы русской армии, та роль, которую сыграла Россия в победе над Наполеоном, оказали огромное влияние на развитие общественного сознания в стране. В кругах передовой части русского общества произошел качественный переворот. Возникла и организационно оформилась группа молодых патриотов, которые осознали свою ответственность за судьбы Родины.

¹ См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16-ти т. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. 11. С. 17.

Для императора участие общества в обсуждении насущных преобразований казалось недопустимым нарушением вековых традиций самодержавного устройства, а потому было совершенно неприемлемо. Для декабристов, наоборот, стремление поддержать реформаторские усилия верховной власти на первых порах было естественной потребностью, гражданским долгом. Когда же император, как им казалось, отступил от заявленных им же намерений преобразовать страну в «духе времени», декабристы стали обдумывать, каким образом в новых условиях добиться своего. В тайном обществе у части радикально настроенных членов появилась и окрепла идея военной революции как средства изменения политического устройства Российского государства и освобождения крестьян от крепостной зависимости. Дело закончилось, как известно, восстаниями гвардии в Петербурге и армейского пехотного Черниговского полка на Украине, которые были решительно и жестоко подавлены властью.

Реформы, которые признавались столь необходимыми России и властью (конечно, не всей, а только небольшой ее частью, но во главе с императором), и радикальной частью российского общества — участниками тайных обществ, так и не были осуществлены. Они были отложены на несколько десятилетий. Почему так произошло? Поиску ответа на поставленный вопрос автор и посвятил свое исследование¹.

¹ Обзор источников и историографии не входил в задачу автора. За последние два десятилетия источниковая база не претерпела кардинальных изменений, чего нельзя сказать об историографии. Появились новые исследования, было высказано много новых идей и оценок. Их анализ — дело будущего. Однако не могу не назвать фундаментальные исследования Т. В. Андреевой «Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение» (СПб., 2009), В. М. Боковой «Эпоха тайных обществ» (М., 2009), А. О. Чубарьяна «Русский европеизм» (М., 2006), биографии Александра I А. Н. Архангельского (М., 2000), М.-П. Рэй (М., 2013) и А. Н. Сахарова (М., 1998), которые по-новому взглянули на эпоху, людей и события.

Эта книга не могла бы появиться без деятельной поддержки моих коллег по Государственному архиву Российской Федерации Л. А. Роговой, Л. Н. Малашенко, И. С. Тихонова, Е. А. Чирковой, И. Н. Засыпкиной, Л. В. Крячковой, Г. Г. Толстиковой, И. А. Бутенко, П. А. Словягина и многих других, за что я приношу им мою сердечную благодарность. Благодарю также профессора С. И. Посохова (Харьковский университет) за сведения о М. К. Грибовском.

«НЕ МНЕ ИХ НАКАЗЫВАТЬ...»

Уже давно (еще со времени публикации в 1857 году книги барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I») стало ясно, что Александр I знал о существовании в России тайных политических обществ вообще и Союза благоденствия в частности. Корф писал: «Последнее время жизни императора Александра было омрачено горестными для его сердца открытиями... Известное ему и весьма немногим доверенным он хранил в глубочайшей тайне, ограничиваясь бдительным наблюдением. Но показание одного чиновника, добровольно сделанное пред командиром Гвардейского корпуса генерал-адъютантом Васильчиковым, пролило на то, что прежде казалось мало важным, более ясный и вместе более устрашающий свет»¹. Но что именно знал Александр I и почему, зная о существовании Союза благоденствия, практически ничего не сделал для того, чтобы расследовать его деятельность и наказать участников? Сохранившиеся документы и свидетельства современников дают возможность ответить на поставленные вопросы.

Первостепенное значение в выяснении отношения Александра I к тайным обществам декабристов и в первую очередь к Союзу благоденствия имеет история доноса на декабристов, написанного членом Коренного совета Союза благоденствия «библиотекарем при гвардейском штабе» Михаилом Кирилловичем Грибовским.

¹ Корф М. А. Указ. соч. С. 250.

Михаил Грибовский, по некоторым сведениям, родился в 1786 году¹. Где и в какой семье — точно неизвестно. С. И. Посохов в статье о Грибовском, опубликованной в томе Харьковского биографического словаря «Губернаторы и генерал-губернаторы», указал, что Грибовский был уроженцем Черниговской губернии и, вероятно, происходил не из дворянской семьи. В 1811 году 25-летний Грибовский поступил вольнослушателем в Харьковский университет и в 1814 году закончил отделение этико-политических наук². В этом же году он перебрался в Петербург и стал «исправляющим должность правителя канцелярии Инвалидного комитета»³. В 1816 году в Харьковском университете он защитил магистерскую диссертацию «О состоянии крестьян господских в России»⁴. В Петербурге Грибовскому, по всей видимости, представился случай не только войти в круг литераторов, но и познакомиться с командиром Гвардейского корпуса И. В. Васильчиковым⁵. Это знакомство, как мы увидим далее, сыграло решающую роль в его судьбе.

В энциклопедиях Грибовский назван переводчиком и публицистом, что вряд ли может быть принято без оговорок. Ведь как переводчик он издал только книгу Г.-В. Жомини «Общие правила военного искусства» (отпечатано в 1817 году в типографии Гвардейского штаба, 43 с.), а как публицист — свою магистерскую диссертацию «О состоянии крестьян господских в России» (опубликовано в 1816 году в Харькове в университетской типографии, 124 с.), в которой он рассуждал о необходимости освобождения крепостных крестьян. О других сочинениях и переводах Грибовского ничего неизвестно. Так что переводчиком и публицистом он, конечно, в полном смысле не был, но склонность к литературным и политическим занятиям, несомнен-

¹ Розен А. Е. Записки декабриста // Серия «Полярная звезда» / Издание подготовлено Г. А. Невелевым. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 457 (именной указатель).

² Посохов С. И. Михаил Кириллович Грибовский // Посохов С. И., Ярмыш А. И. Харьковский биографический словарь: Губернаторы и генерал-губернаторы. Харьков: УВД, 1997. С. 41.

³ Декабристы. Биографический справочник / Издание подготовлено С. В. Мироненко. М.: Наука, 1988. С. 58.

⁴ Посохов С. И. Указ. соч. С. 41. Тесную связь Грибовского с Украиной подтверждает адресованное ему письмо декабриста Ф. Н. Глинки, которое свидетельствует об их теплых и дружеских отношениях. Глинка, посылая портрет украинского гетмана Полуботка, называет Грибовского «достойным сыном Малороссии» // ГА РФ. Ф. 1717 (Собственная канцелярия шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа). Оп. 1. Д. 141. Л. 1.

⁵ В письме от 17 декабря 1820 года князю П. М. Волконскому, бывшему с императором Александром I за границей, И. В. Васильчиков писал, что знает Грибовского «уже пять лет» // Русская старина. 1871. № 12. С. 661.

но, имел. Декабрист А. Е. Розен вспоминал, что среди посетителей литературного кружка популярного в то время поэта и одновременно офицера-измайловца А. Н. Марина зимой 1821–1822 годов были «братья Грибовские»¹. Грибовский постепенно продвигался по службе, вначале став исполняющим обязанности библиотекаря при штабе Гвардейского корпуса, а 3 июля 1819 года был «утвержден библиотекарем при гвардейском штабе»².

Может быть, так и шла бы служба тогда уже 33-летнего чиновника, если бы он не вступил в тайное декабристское общество Союза благоденствия, а затем не донес на своих товарищей.

Но вот вопрос, а не был ли Грибовский причастен к тайной политической полиции в то же самое время, когда он вступал (или уже был принят) в члены тайного декабристского общества? Ответ на этот вопрос содержит появившаяся в первой половине 1870-х годов на страницах «Русской старины» и «Русского архива» переписка начальника Главного штаба князя П. М. Волконского с И. В. Васильчиковым. По словам Волконского, с Васильчиковым их связывала «искренняя дружба», существовавшая между ними «почти с детства». Поэтому в письмах друг другу они были предельно откровенны. Их переписка конца 1820-х — начала 1821 года, когда Волконский находился за границей вместе с императором Александром I на конгрессах Священного союза сначала в Троппау, а затем в Лайбахе, содержит массу интересных и важных сведений. Из нее выясняется, например, что сразу после семеновской истории Васильчиков поручил Грибовскому организовать в гвардейских войсках тайную полицию. Вот что он писал 17 декабря 1820 года П. М. Волконскому: «Посылаю Вам, мой дорогой друг, проект учреждения военной полиции; Вы найдете сумму немного великой, но Вы очень хорошо знаете, чтобы заставить хорошо служить этих мерзавцев, необходимо им хорошо платить; тяжело быть вынужденным прибегать к такой мере, но при настоящих обстоятельствах необходимо заставить умолкнуть все свои предубеждения. Главное условие, которое от меня требует человек, который берется вести эту часть, есть непроницаемая тайна; он согласился только для меня взяться за это; эту личность я знаю уже пять лет: его честность испытана, он образован, умен, скромн, пре-

¹ Розен А. Е. Указ. соч. С. 116; У Михаила Грибовского был брат Яков, в 1821 году прапорщик лейб-гвардии Финляндского полка (Там же. С. 81–82).

² РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. Д. 38. Л. 296–296 об.; Рогинский А. Б., Равдин Б. Н. Вокруг доноса Грибовского // Освободительное движение в России. Саратов, 1978. Вып. 7. С. 94.

дан государю и не принадлежит ни к какому обществу; одним словом, это Грибовский, библиотекарь Гвардейского генерального штаба и правитель канцелярии Комитета раненых; со времени истории Семеновского полка я поручил ему на время управление этой частью, и могу только похвалить его за деятельность и готовность, с которою он занимается»¹. Волконский 6 января 1821 года переслал Васильчикову утвержденный императором проект учреждения военной полиции и одновременно сообщил об отпуске Министерством финансов средств с формулировкой «на известное употребление». Деньги, писал Волконский, «будут Вам вручены Закревским без всякой формальной бумаги», причем Закревский не будет знать, «на какой предмет эти деньги предназначены». Дальше Волконский сообщал, что Александр I утвердил «выбор личности, которую Вы мне называли», то есть утвердил Грибовского как временного руководителя тайной полиции в Гвардейском корпусе. Все дело должно было держаться в строжайшей тайне. Волконский предупреждал Васильчикова, чтобы Грибовский, получивший «довольно значительное содержание», был осторожен в расходах, дабы не привлечь к себе постороннее внимание². Свидетельство Васильчикова о его знакомстве с Грибовским подтверждает, кстати, что первый контакт Грибовского с командиром Гвардейского корпуса произошел до семеновской истории. Именно это событие послужило толчком к учреждению в Гвардейском корпусе тайной полиции и выбору в качестве ее временного главы и организатора М. К. Грибовского.

Что связывало Грибовского с декабристами? Какова была его роль в Союзе благоденствия?

В материалах следствия по делу декабристов имя Грибовского встречается нечасто. В «Алфавите декабристов», составленном по завершении следствия правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым, о нем всего несколько строк: «Принадлежал к числу членов Союза благоденствия до времени уничтожения оногo. В возникших же после 1821 года тайных обществах участия не принимал. Высочайше повелено оставить без внимания»³. В делах Следственного комитета сохранились два списка, составленных в Комитете и заверенных одним из его чиновников В. Ф. Адлербергом, в которых упомянут М. К. Грибовский. Это «Список членов Коренного

¹ Русская старина. 1871. № 12. С. 661.

² Там же. С. 662–663.

³ Декабристы. Биографический справочник. С. 250.

совета Союза благоденствия», а также «Список членов Союза благоденствия, кои по высочайшему повелению оставлены без внимания, как отклонившиеся от Союза и не участвовавшие в возникших после 1821 года тайных обществах»¹. Из первого списка видно, что Грибовский был в числе так называемых «коренных» членов, то есть одним из основателей Союза благоденствия². Внесен в этот список Грибовский был, видимо, на основании показаний секретаря Союза благоденствия С. М. Семенова, который одновременно показал, что Грибовский впоследствии «отстал» от тайного общества³. Это свидетельство Семенова вызывает определенное недоверие. Ведь только он один назвал имя Грибовского среди учредителей Союза благоденствия. Других свидетельств на этот счет нет. Вдобавок к этому в письме Волконскому Васильчиков сообщал, что Грибовского члены тайного общества «очень старались завербовать в их компанию», таким образом получается, что он стал членом общества уже после его возникновения. Вообще в истории Грибовского многое не ясно, и исследование этого вопроса еще ждет своего часа.

Из декабристов, упомянувших на следствии Грибовского, помимо показаний С. М. Семенова, в первую очередь следует назвать И. Г. Бурцева. В ответах на вопросы, посланные ему Следственным комитетом 15 января 1826 года, Бурцев назвал известных ему членов тайного общества и среди них Грибовского. Бурцев так писал о целях общества и о том, чем занимались его члены: «Объявленная цель союза была распространение просвещения, благотворительности и нравственности, дабы собственным примером и внушениями искоренять пороки, невежество и злоупотребления». «Сокровенная цель, — продолжал он, — понимаема была не совершенно одинаково, ибо она нигде положительно не была выражена. Я и большая часть моих приятелей видели цель в следующем: готовить общественное мнение к новому устройству в государстве, коего ожидали от государя императора, и к освобождению крепостных людей, каковые перемены могли не нравиться дворянству»⁴. Месяцем ранее, 19 декабря 1825 года,

¹ Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 486, 487.

² М. В. Нечкина установила, что в действительности в первом списке речь идет не о членах Совета Коренного союза Союза благоденствия, который мог состоять только из шести человек, а о членах самого Коренного союза Союза благоденствия. «Он должен совпадать, — замечает М. В. Нечкина, — с перечнем тех, кто присутствовал на первом учредительном собрании Союза благоденствия» (Нечкина М. В. Указ. соч. Т. I. С. 206).

³ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 31; Восстание декабристов. Документы. Т. XVIII. М.: Наука, 1984. С. 187.

⁴ Восстание декабристов. Документы. Т. XVIII. С. 195.

когда Бурцев еще отрицал свое участие в тайном обществе, он писал в ответе на вопросы Комитета, что появление сочинения Грибовского об освобождении крепостных крестьян, которое, по слухам, «удостоилось высочайшего внимания государя императора»¹, возбудило в нем и его товарищах по военному обществу «рвение сделаться полезными правительству». Это «рвение» подогревалось варшавской речью Александра I и освобождением крестьян в Лифляндии.

Интересна история создания Общества военных людей или, как его называл Бурцев, Военного общества. В 1816 году Александр I дал согласие на организацию легального Общества военных людей (затем переименованного в Общество любителей военных наук), которое было учреждено одновременно с созданием военной библиотеки при Главном штабе Гвардейского корпуса. Общество стало первым в России научно-военным объединением. Оно издавало свой журнал, который редактировал Ф. Н. Глинка. Почетными членами общества были великие князья Николай и Михаил Павловичи, князь П. М. Волконский, А. А. Закревский, М. Ф. Орлов, П. Д. Киселев, А. С. Шишков и другие. Заседания общества изредка вместе с А. А. Аракчеевым посещал и сам Александр I. Членами общества при его учреждении стали будущие декабристы Ф. Н. Глинка, В. Д. Вольховский, И. Г. Бурцев. Был членом общества и Грибовский². «Цель общества, — писал в своих показаниях декабрист И. Г. Бурцев, — состояла в образовании молодых офицеров предпочтительно в военных науках, но причем поставляемо было в похвалу приобретение и прочих знаний. На какой предмет и была учреждена библиотека, в коей кроме военных сочинений содержались и другие, а к чтению оных приглашаемы были все гвардейские офицеры»³.

¹ Вот полный текст показания Бурцева: «В то же время общее стремление к снисканию сведений много было усилено объявленною в газетах речью государя императора, произнесенною в г. Варшаве при собрании сейма Царства Польского, в коей изложено было высочайшее намерение распространить и на Россию подобное образование гражданского управления. Сие важное явление возбудило в членах военного общества рвение сделаться полезными правительству в достижении цели оною, а для сего надлежало обогатить себя всеми сведениями, кои бы могли быть употребленными в исполнении общественных обязанностей. При сих же обстоятельствах сделалось известным сочинение г. Грибовского, сколько я могу припомнить касательно освобождения крестьян, напечатанное в небольшом числе экземпляров (и как слышно было) удостоившееся высочайшего внимания государя императора; равномерно дарованная свобода крестьянам в Лифляндии — все сии соединенные причины явственно представляли виды правительства и заставляли стараться по мере сил каждого приобретать политические знания и распространять понятия о благодетельных намерениях его величества» (Восстание декабристов. Документы. Т. XVIII. С. 190).

² Бокова В. М. Указ. соч. С. 104–105.

³ Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 190.

КАК В РОССИИ НЕ БЫЛО ОТМЕНЕНО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ СТАЛА КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИЕЙ

Власть все более и более закрывалась от общества. Если в начале и в середине царствования Александра I Россия была одной из самых открытых для выражения разнообразных взглядов на государственное устройство стран и в печати позволялось свободно обсуждать крепостное право, то с течением времени эта свобода стала раздражать императора.

В 1815 году в «Вестнике Европы» появилась переведенная из одного польского журнала статья А. Косинского «Замечания на мысли об устройении счастливейшего быту крестьян польских», где автор осуждал безземельное освобождение крестьян в Польше Наполеоном в 1807 году, что, по его мнению, лишило крестьян помощи со стороны землевладельцев и усилило в них «склонность к бродяжничеству и праздности». Впрочем, автор выступал не против освобождения крестьян в принципе, а только возражал против лишения их земельной собственности¹. В 1816 году здесь же была напечатана статья некоего И. Переславского, который как бы не допускал даже и намек на мысль о возможности освобождения крестьян: «Благоразумный член каждого состояния должен доволен быть своим положением, которое определяют и сохраняют законы»².

В следующем, 1817 году похвалы крепостному праву усилились. Появились статьи, описывающие тяжелое, прямо-таки бедственное

положение свободных крестьян на Западе и противопоставляющие им благоденствие русских крепостных. Статьи носили явно полемический характер и были направлены против тех, кто имел дерзость сомневаться в прелестях и преимуществах крепостного права. В 47-й книге еженедельника «Дух журналов» была опубликована «Выписка из частного письма из рейнских областей», где автор, описывая массовые переселения местных жителей, с негодованием восклицал: «О несчастное слово *вольность!*.. Здешние мужики все *вольны!* — вольны, как птицы небесные, но так же, как сии, бесприютны и беззащитны, погибают от голода и холода. Как бы они были счастливы, если бы закон поставил их в неразрывной связи с землею и помещиками!» По словам автора, прошло то время, когда иностранцы считали крепостное состояние «рабским и самым жалостным». Теперь они, оказывается, «узнали свое заблуждение». Когда автор рассказывал им об отношениях помещиков с крестьянами, «то они отвечали: это *дети*, а помещик их *отец!*» Издатель журнала был совершенно согласен со своим корреспондентом и уверял читателей, что таковы отношения большинства помещиков с их крепостными и «нет ничего легче, как сделать их таковыми для всех вообще»¹. Вот такая крепостническая идиллия. О благородной задаче печати «показать, что у нас есть *отцы-помещики*, достойные сего названия, потому что *нужды* их поселян суть *собственные их нужды*», писал тогда же в «Русском вестнике» С. Н. Глинка².

Поток статей защитников крепостного права все нарастал. В одном из следующих номеров «Духа журналов» в том же 1817 году была помещена статья «русского дворянина Правдина» «Сравнение русских крестьян с иноземными», автор которой, скрывшись под претенциозным псевдонимом, обрушился на «несогласные мнения многих наших соотечественников о земледельческом сословии в чужих краях». Правдин, не стесняясь, называл вольность «пустым словом» и утверждал, что русские крепостные «гораздо счастливее» иностранных крестьян³. В 1818 году тот же Правдин выступил в «Духе журналов» с развернутой защитой барщины перед оброком. Но даже он не мог отрицать «ненависти» крестьян к барщине и признавал, что она вызвана зверским обращением помещиков. Однако никаких особенных затруднений к преодолению этого он не видел. Нужно толь-

¹ Вестник Европы. 1815. Ч. 82. С. 264–281.

² Там же. 1816. Ч. 87. С. 142.

¹ Дух журналов. 1817. Кн. 47. С. 339–342 (929–923).

² Русский вестник. 1817. № 3/4. С. XXIII.

³ Дух журналов. 1817. Кн. 49. С. 343–370 (981–1008).

ко, писал Правдин, чтобы губернаторы были «бескорыстные, умные, человеколюбивые, вежливые и сведущие в сельском хозяйстве»¹.

В 12-м номере «Духа журналов» его редактор Г. М. Яценков поместил ответ на полученное им письмо, в котором автор просил разрешить его недоумение. Прочтя в одной из статей, что немецкие государи уничтожают рабство, он был сильно удивлен: до сих пор ему казалось, что «рабство только у нас в России существует». Яценков отвечал читателю, что рабства в России «вовсе нет», ибо «крепостное состояние наших крестьян... не есть рабство». Наибольшее возмущение Яценкова вызвали немецкие публицисты, которые «более всех кричат против нашего рабства», тогда как «наши так называемые рабы никогда не просили от них заступления». Но апофеозом рассуждений Яценкова по праву стало утверждение, «что у нас не только нет рабства на самом деле, но даже слова сего — *раб* — употреблять не велено». А раз «не велено» — значит, и рабства нет. Знакомая логика. Со всей страстью Яценков обрушивался на сторонников реформ — «самозванных политиков», «школьные умы, которые, недавно вышедши из школьных пелен, тотчас берутся строить и поправлять огромное и многосложное здание государства»².

Единственным гласным ответом на эту волну проповеди крепостничества стала анонимная статья «О состоянии иностранных крестьян», опубликованная в 17-м номере журнала Н. И. Греча «Сын Отечества». Автором ее, как было установлено впоследствии, являлся известный своими прогрессивными взглядами профессор Петербургского университета А. П. Куницын³. Статья Куницына была прямым ответом на выступление «русского дворянина Правдина». Автор убедительно доказывал, что «свобода для иностранного крестьянина есть слово не пустое, но имеющее вещественное значение». «Первое важнейшее право иностранного крестьянина, — писал Куницын, — состоит в том, что он сам себе принадлежит и не переходит из рук в руки посредством мены, продажи, дара, наследства и других сделок, но всегда остается своим господином; и сие право так драгоценно, что если бы захотели присвоить и продать... самого сочинителя *Правдина*, то бы он, верно, на сию перемену своего состояния не согласился». У иностранных крестьян, продолжал Куницын, никто не

¹ Дух журналов. 1818. Кн. 6. С. 43–54 (181–192).

² Там же. Кн. 12 («О рабстве в иностранных европейских государствах»). С. 94–95.

³ Об авторстве Куницына см.: Колюпанов Н. Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. 1. Кн. 1. С. 524; ср. также: Кульман Н. К. Указ. соч. С. 64.

может отобрать детей. Крестьянин на Западе сам свободно, по своему усмотрению ведет дела и исполняет работу «по собственному побуждению, а не по наказу и трудится прилежно, имея несомненную надежду улучшить свое состояние»¹. Хотя в русской подцензурной печати и прежде раздавались голоса в пользу освобождения крестьян, в статье Куницына преимущества вольнонаемного труда впервые были обоснованы с такой убедительностью.

Казалось бы, разгоравшаяся в печати полемика могла со временем принести немало пользы, тем более что власть именно в это время занималась поисками путей постепенной отмены крепостного права. Однако после публикации в 1818 году в том же «Духе журналов» речи малороссийского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина, о которой говорилось выше, обсуждение крестьянского вопроса в печати было резко пресечено. Несмотря на всю умеренность высказываний Репнина, публикация речи вызвала запрещение вообще публично касаться этого вопроса. А. Н. Голицын, министр народного просвещения, в чьем ведомстве находилась тогда цензура, немедленно сделал выговор попечителю Петербургского учебного округа С. С. Уварову за то, что «издатель „Духа журналов“ помещает в нем статьи, содержащие в себе рассуждения о вольности и рабстве крестьян и многие другие неприличности». Далее, указывая, что Яценков не получал разрешения на публикацию речи Репнина, Голицын предлагал вообще «обратить внимание цензуры на издаваемые журналы и другие сочинения, дабы в них *ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян, не только здешних, но и иностранных*, ни вообще материй, касающихся до распоряжений правительства (курсив мой. — С. М.)»².

Но исчезнув со страниц печатных изданий, проблема освобождения крепостных крестьян не исчезла для образованного русского общества. Дискуссия перенеслась на страницы рукописных записок, которые передавались из рук в руки. Речь Н. Г. Репнина сначала разошлась в списках по стране и только потом была опубликована в «Духе журналов». Тогда на нее с резкими нападками обрушился калужский предводитель дворянства, сенатор князь Н. Г. Вяземский. Стали распространяться списки его «Послания российского дворянина князю

¹ Сын Отечества. 1818. № 17. С. 162–186.

² Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. М., 1871. Вып. 3. С. 218–220.

Репнину», датированного 4 апреля 1818 года. В более чем умеренных словах Репнина Вяземский увидел посягательство на исконные права российского дворянства. Вяземский считал крепостное право гарантией незыблемости самодержавного строя, а крепостные отношения крестьян с помещиками представлял как отношения семейные. Помещик, по его убеждению, поставлен государством «в виде отца обширного семейства домочадцев своих». «Тесная и неразрывная связь соединяет его с детьми своими», — уверял он читателей. Нарушение же этой связи, по его мнению, могло привести к неисчислимым бедствиям. «Для благоденствия крестьян наших не нужно мыслить о химерическом новом положении, но токмо стараться поддержать во всей силе истинно доброе старое, приложить попечение о повсеместном его наблюдении и утверждении в пользу крестьян». Вяземский предостерегал от следования западным образцам и призывал «единственно, исправив некоторые известные недостатки и устранив злоупотребления... бодрствовать в поддержании ныне существующего порядка вещей»¹.

«Послание...» Вяземского было с одобрением встречено в консервативных кругах. Но появилась критика и с другой стороны. Ответом на развернутый манифест защитников крепостничества стала записка основателя Союза спасения А. Н. Муравьева, высмеявшего «древнего российского дворянина» и защиту им патриархальной старины². Через П. М. Волконского Муравьев отправил записку императору. По воспоминаниям С. П. Трубецкого, Александр I, прочтя ее, сказал: «Дурак! Не в свое дело вмешался»³.

Столь резкую реакцию Александра I легко можно было бы списать на резкий тон выражений Муравьева. Но, кажется, дело не только и не столько в этом. Император был недоволен и самим появлением в печати речи Репнина, и возникшей вокруг нее полемикой. Основным условием проведения крестьянской реформы, как мы уже видели, император считал добровольное согласие на нее помещиков. Этому, с его точки зрения, менее всего могли способствовать разжигание страстей и публичные схватки крепостников со сторонниками реформ. Его замыслам полюбовного соглашения власти с помещиками не могло соответствовать распространение ни крепостническо-

¹ Сборник исторических материалов. Вып. 7. С. 153–174.

² Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн. 3. Смесь. С. 43–50.

³ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 223.

го сочинения Н. Г. Вяземского или «Мнения одного украинского помещика» В. Н. Каразина, утверждавшего, что «народ... привязан душою к образу своего существования и находит в нем свое счастье»¹, ни возражения на них.

Главной задачей нового тайного общества Союза благоденствия становится, как мы уже видели, наряду с расширением своих рядов борьба за завоевание общественного мнения, соединенная с пропагандой неизбежности падения крепостного права.

Декабристы хорошо понимали, что любое проявление правительственного либерализма будет встречено яростным сопротивлением крепостников. С. П. Трубецкой вспоминал: «Действие общества должно было основываться на том рассуждении, что многие из правительственных лиц и частных людей будут восставать против некоторых намерений императора (как и было то касательно свободы крестьян), и, следовательно, как бы ни был слаб голос тех, которые стали их оправдывать, но непрерывное склонение в обществе разговора на известный предмет... дает правительству силу привести предположения свои к исполнению». Освобождение крестьян должно было, по словам Трубецкого, «иметь противниками почти всех помещиков». Поэтому «требовалось неусыпное действие» членов тайного общества «для поддержания правительственного курса» и «направления общего убеждения в необходимости этой меры». «Должно было представить помещикам, — писал Трубецкой, — что рано или поздно крестьяне будут свободны, то гораздо полезнее помещикам самим освободить их, потому что тогда они могут заключать с ними выгодные для себя условия, что если помещики будут упорствовать и не согласятся добровольно на освобождение, то крестьяне могут вырвать у них свободу, и тогда отечество может стать на краю бездны. С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которые никакое воображение представить себе не может, и государство делается жертвою раздоров и, может быть, добычею честолюбцев, наконец, может распасться на части и из одного сильного государства обратиться в разные слабые. Вся сила и слава России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века»².

В это же время осуждение крепостного права и требование освобождения крестьян получили развитие в лучших произведениях художественной литературы. Одним из самых гнусных поро-

¹ Сборник исторических материалов. Вып. 7. С. 145.

² Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 218–220.

ков современного общества представало крепостное право в комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. В 1819 году А. С. Пушкин сочинил одно из пронзительнейших антикрепостнических произведений русской поэзии — стихотворение «Деревня». Через И. В. Васильчикова П. Я. Чаадаев, кстати сказать, член Союза благоденствия, представил стихи Пушкина Александру I. Расходились среди друзей и знакомых стихи П. А. Вяземского, разоблачавшего язвы крепостного права.

На рубеже 1810–1820-х годов судьба реформ еще, казалось, не была predetermined. Стремление содействовать власти в реформировании крепостных отношений воодушевляло не только членов тайных обществ, но и привлекало более широкий круг думающего российского общества. Под впечатлением заявлений Александра I, ободренные примером дворянства западных губерний, о необходимости прикоснуться к крепостному праву и обсудить пути его реформирования стали думать не только декабристы. И не только думать. Весной 1820 года была предпринята попытка создать вольное общество помещиков для выработки условий отмены крепостного права и постепенного освобождения крестьян.

Мысль о такой организации, как установил Н. К. Кульман, впервые возникла в среде, близкой к декабристам, во время встречи С. И. Тургенева и П. А. Вяземского в январе 1820 года в Варшаве¹. «Святое и великое дело было бы собраться помещикам разного мнения, но единодушного стремления к добру и пользе, — писал 6 февраля 1820 года в Петербург А. И. Тургеневу Вяземский, движимый все более и более овладевавшей им идеей, — и без всякой огласки, без всяких наступательных предположений рассмотреть и развить подробно сей важный запрос». «Подумайте об этом, — продолжал он, — а я взялся бы пояснить свою мысль и постановить некоторые основы, на коих должно бы утвердиться такое общество, означить грани, за кои не могло бы оно видов своих перенести, и прочее. Поверьте, если мы чего-нибудь такого не сделаем, то придется нам отвечать перед совестью». В конце Вяземский писал: «Без сомнения начнем разом более пятидесяти человек, которые охотно запишутся в это общество. И если государь принял благосклонно такое предложение от литовцев, зачем не примет его и от нас?»

Звучит в письме Вяземского и постоянно встречающийся в размышлениях современников мотив боязни народного взрыва и стрем-

¹ Кульман Н. К. Указ. соч. С. 108–114.

ления его предупредить: «Рабство — одна революционная стихия, которую имеем в России. Уничтожив его, уничтожим всякие пребудущие замыслы»¹. Н. И. Тургенев, оценив письмо Вяземского как «прекрасное», сообщал ему 18 февраля, что мысли его совпали с мнением многих, что «теперь говорят о рабстве и даже пишут, хотя и не печатают», и просил «изложить... мысль о средствах освобождения и поставить правила, на коих должно бы основано быть соединение людей, желающих сего освобождения»². В ответном письме Вяземский, не касаясь вопроса о «средствах освобождения» и правилах общества, предлагал единственный реальный, с его точки зрения, путь: «В России при теперешнем положении одно средство пустить в ход эту мысль: завербовать несколько высокопревосходительств и разноцветных Чупятовых»³.

Итак, цель была ясна, средства к ее осуществлению одобрены, оставалось самое главное — начать действовать. Тут-то и выяснилось, что в Петербурге уже ведется подготовка к созданию подобного общества и что в ней принимают участие именно те самые «высокопревосходительства», о которых писал Вяземский. В конце апреля 1820 года Н. И. Тургенев познакомился с графом М. С. Воронцовым и началось быстрое их сближение. «На сих днях я был у гр[афа] Воронцова, — сообщал Н. И. Тургенев брату Сергею 11 мая 1820 года, — и он мне чрезвычайно понравился и потому уже, что понимает и чувствует вещи так, как должно. Жаль, что он недолго здесь пробудет. Он мог бы быть начинщиком улучшения участи крестьян. И теперь главная надежда на него»⁴.

М. С. Воронцов, генерал, герой Отечественной войны 1812 года, отличившийся во многих сражениях, в том числе и при Бородине, где был ранен, обороняя багратионовы флеши, недавно возвратился из Франции, где с 1815 по 1818 год командовал русским экспедиционным корпусом. Репутацию генерал имел самую либеральную, был известным англоманом и приверженцем английской политической системы (его отец долгие годы был послом России в Лондоне и после отставки в 1896 году навсегда остался в британской столице). Немаловажным было и то обстоятельство, что Воронцов владел не одной тысячей крепостных и по своему положению принадлежал к элите

¹ Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 14–16.

² Там же. С. 21–22.

³ Цит. по Кульман Н. К. Указ. соч. С. 113.

⁴ Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М., Л., 1936 (далее — Тургенев Н. И. Письма). С. 302.

российского общества. В те годы Воронцов много размышлял о необходимости для блага страны отменить крепостное право¹. По воспоминаниям Н. И. Тургенева, именно он и князь А. С. Меншиков, будущий неудачливый командующий русской армией в Крымскую войну, а в 1820 году флигель-адъютант Александра I, блестящий остро слов и богатейший помещик, единственный внук сподвижника Петра I А. Д. Меншикова, пытались создать общество помещиков для освобождения крепостных крестьян. «Два человека, выдающихся как по занимаемому ими положению, так и по своей просвещенности, — рассказывал Н. И. Тургенев в своих воспоминаниях, — граф Воронцов и князь Меншиков, решили однажды всерьез заняться делом освобождения. Я настаиваю на том, что это было сделано всерьез, ибо сим вопросом чаще всего начинают заниматься так называемые филантропы, без конца болтающие об *улучшении* участи крепостных, о предоставлении им некоторых выгод, об ограничении произвола господ, о пресечении злоупотреблений помещиков властью; но эти пустые фразы свидетельствуют либо о наивности, либо о злой воле тех, кто их произносит. <...> поэтому оба названных мною лица прежде всего объявили, что их цель состоит в полном освобождении крестьян»².

В начале мая работа по созданию общества была в полном разгаре. Поэтому, когда в упоминавшемся только что письме от 11 мая Н. И. Тургенев отмечал, что «еще нет теперь ничего» и «дело только начинается» и что «прежде всего надобно испросить одобрение правительства на принятие некоторых мер в отношении крестьян», он несколько кривил душой и, видимо, не хотел открывать все карты.

В архиве братьев Тургеневых сохранилось три черновика одного документа, представляющего собой декларацию целей учреждаемого общества, на создание которого испрашивалось согласие императора. Они датированы 5 мая 1820 года. Все три варианта написаны рукой Н. И. Тургенева, но имеют многочисленные поправки других лиц. Различия между вариантами носят чисто редакционный характер. Судя по содержанию документа, общество должно было действовать «под руководством управляющего Министерством внутренних дел». Цель его была определена в самом общем виде как «изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежащих

¹ Шебунин А. Н. Пушкин и «Общество Елизаветы» // Временник Пушкинской комиссии. М., Л., 1936. Т. 1. С. 79–84.

² Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 252.

помещикам, в сие общество вступающим». В обоснование необходимости освобождения крестьян приводился только один довод: «удаление единого справедливого и важного порицания, которому дворянство... подвергается в очах просвещенных народов»¹.

Предполагалось, что этот документ будет подписан всеми участниками и затем представлен Александру I. К сожалению, мы не располагаем его окончательным текстом. Н. И. Тургенев в своих воспоминаниях отрицал свое участие в составлении прошения и настаивал на авторстве М. С. Воронцова или А. С. Меншикова. Он вспоминал: «Один из них составил своего рода заявление; подписавшие его обязывались предоставить своим крепостным полную свободу. Для этого они просили у государя разрешения основать общество землевладельцев, в которое вошли бы лица, подписавшиеся под заявлением. Обществу предстояло избрать из своих членов комитет, уполномоченный выработать правила полного освобождения крестьян. После обсуждения проекта устава и одобрения его всеми членами общества (или подписавшими заявление) он должен был быть представлен министру внутренних дел; тот получил бы на сей счет указания императора. В конце этой поистине замечательной записки автор давал монарху понять, что после триумфальных побед русского оружия для вящей славы России с нее необходимо смыть единственное позорящее ее пятно»².

Как видим, Н. И. Тургенев писал о совершенно ином документе, нежели тот, черновик которого сохранился в архиве. В нем не только формулировались иные цели общества, но и указано на обязательство его членов освободить своих крестьян, а также определен порядок действий общества.

Наряду с Воронцовым, Меншиковым, А. И. и Н. И. Тургеневыми чрезвычайную активность вокруг создания общества развил В. Н. Каразин, имя которого уже упоминалось в связи с семеновской историей. Каразин в молодые годы был близок к А. Н. Радищеву, ему принадлежит заслуга основания Харьковского университета. Человек феерической активности, Каразин был с детства честолюбивым. Он во что бы то ни стало хотел вернуть себе расположение императора, который в 1808 году, разочаровавшись в Каразине, официально запретил тому обращаться к себе с любыми предложениями. В 1818 году Каразин вновь приехал в Петербург и начал бомбарди-

¹ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5. С. 488–490.

² Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 252.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ ДЕКАБРИСТА М. А. ФОНВИЗИНА¹

Михаил Александрович Фонвизин принадлежит к числу тех декабристов, чье творческое наследие, заслуживающее самого пристального внимания, до сих пор не подвергалось систематическому изучению.

Приговором Верховного уголовного суда он был отнесен к 4-му разряду государственных преступников и осужден на 15-летние каторжные работы с последующей ссылкой. Срок каторжных работ был постепенно сокращен до шести лет, и в 1834 г. Фонвизин был выпущен на поселение. Прожив четыре года вначале в Енисейске, а затем в Красноярске, он в 1838 г. был переведен в Тобольск, где и оставался до 1853 г., когда ему — единственному из декабристов до амнистии 1856 г. — было разрешено возвратиться в европейскую часть России.

Условия, в которых Фонвизин находился в Петровском заводе и в особенности на поселении, были более благоприятными, чем у многих других декабристов. Самоотверженное поведение его брата И. А. Фонвизина, взявшего на себя воспитание оставленных в России сыновей М. А. Фонвизина и управление имениями, доходом от которых он считал себя обязанным обеспечить жизнь декабриста и его жены в Сибири, помогло Фонвизиним создать себе в Тобольске благоустроенный и приемлемый быт. Способствовало этому также и родство Н. Д. Фонвизиной с генерал-губернатором Западной Сибири П. Д. Горчаковым. Фонвизин получал много русских и иностран-

¹ Исторические записки. Вып. 96. К 150-летию восстания декабристов. М., 1975. С. 197–230.

ных книг, журналов и газет, вел обширную переписку с родными и друзьями-декабристами и практически не имел недостатка в информации. Все это давало богатую пищу для активной умственной деятельности, которая стала для Фонвизина его «постоянным занятием» в Сибири. В отличие от большей части декабристов, чье творческое наследие сибирского и последующего периодов составляют в основном мемуары, Фонвизин создал значительное количество оригинальных теоретических и исторических произведений. Именно вследствие этого его творческое наследие представляет значительный интерес для изучения идеологии декабристов и ее эволюции. Наследие это до сих пор в совокупности не изучено, хотя ему и посвящены некоторые работы¹.

Изучению его, в частности, препятствует и то, что оно до сих пор не издано полностью. В разное время были опубликованы: «О крепостном состоянии земледельцев в России», «О подражании европейцам», «Примечания к книге Эно и Шенншо»², «Одно из воспоминаний моей молодости (1807 г.)»³. Однако и в настоящее время есть неопубликованные его части, в том числе записки «Об указе 2-го апреля 1842 года»⁴, «О социализме и коммунизме»⁵, «Классификация наук»⁶, «Обозрение истории философских систем»⁷, а также некоторые богословские сочинения⁸.

Настоящая работа ставит своей задачей проанализировать записки Фонвизина, посвященные проблеме отмены крепостного права, и рассмотреть его взгляды по этому вопросу.

¹ Семевский В. И. Михаил Александрович Фонвизин. Биографический очерк // Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. I; Он же. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. II. С. 85–91, 363–369; Соколов В. Декабристы и крестьянский вопрос // Исторический журнал. 1940. № 3; Сыроечковский Б. Е. Сибирские статьи декабриста М. А. Фонвизина // Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М., 1969.

² Фонвизин М. А. «Обозрение проявлений политической жизни в России» и другие статьи // Библиотека декабристов. М., 1907. Вып. 4. «Примечания к книге Эно и Шенншо» публиковались и до этого.

³ Русская старина. 1881. № 8. С. 503–529.

⁴ ГА РФ. Ф. 279 (Якушкиных). Оп. 1. Д. 296. Автограф с исправлениями и дополнениями И. И. Пущина; Ф. 1706 (Фонвизиных). Оп. 1. Д. 1. Авторизованная копия.

⁵ Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 294. Копия без конца; Ф. 1706. Оп. 1. Д. 4. Копия без начала.

⁶ Там же. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 4. Записка присоединена к работе «О социализме и коммунизме».

⁷ ОР РГБ. Ф. 214 (Собр. Оптиной пустыни). № 97; ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 293; Ф. 1706. Оп. 1. Д. 3. Авторизованная копия.

⁸ По указанию Б. Е. Сыроечковского списки с двух из них входят в состав рукописного сборника Гедеонова, хранящегося в Пушкинском доме.

Этот центральный вопрос внутренней жизни России в течение всей первой половины XIX в. занимал в планах декабристов одно из ведущих мест. Неудивительно поэтому, что Фонвизин так пристально занимался этой проблемой и в Сибири.

Им были написаны по крайней мере три записки, специально посвященные крепостному праву. Это «Историческое известие о начале и ходе крепостного состояния в России», «О крепостном состоянии земледельцев в России» и «Об указе 2-го апреля 1842 года».

Первый биограф и исследователь творческого наследия Фонвизина В. И. Семевский считал, что все работы по крестьянскому вопросу были написаны Фонвизиным после издания указа 1842 г. об обязанных крестьянах¹. Занимавшийся в советское время изучением сибирских статей М. А. Фонвизина Б. Е. Сыроечковский на основании писем Фонвизина к И. И. Пущину, не известных Семевскому, уточнил время создания одной из записок. Он установил, что статья М. А. Фонвизина «О крепостном состоянии» была написана «в 1841 г., а быть может, и ранее, но окончательную редакцию получила в 1842 г.»²

Изучение сохранившихся рукописей Фонвизина и его переписки позволяет внести в историю его занятий крестьянским вопросом еще некоторые уточнения. Прежде всего надо отметить, что записки Фонвизина «Историческое известие» и «О крепостном состоянии» создавались как отдельные произведения. Лишь в 1842 г. у Фонвизина возникла мысль присоединить к записке «О крепостном состоянии» свое историческое исследование о происхождении крепостного права. Это становится совершенно ясным из переписки Фонвизина с Пущиным. Так, сообщая Пущину о дошедших до него сведениях об оживлении интереса верховной власти к крестьянскому вопросу и об активной деятельности П. Д. Киселева по подготовке отмены крепостного права, Фонвизин в конце письма от 14 апреля 1842 г. писал: «Написав письмо и думая о действиях Киселева, мне пришло на мысль: не послать ли ему при письме, подписанном каким-нибудь выдуманном именем, предположение, которое я Вам когда-то сообщил. Может быть, он найдет в нем что-нибудь новое и полезное»³. Очевидно, что «предположение», то есть записка Фонвизина «О крепостном состоянии»⁴, к этому

¹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. С. 85; Он же. Михаил Александрович Фонвизин. Биографический очерк. С. 72.

² Сыроечковский Б. Е. Указ. соч. С. 310.

³ Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1939. Вып. 3. С. 44.

⁴ Это тождество убедительно доказывается письмами от 12, 13, 16, 22 мая 1842 г. (ОР РГБ. Ф. 243 (Пущина). 4. 31. Л. 13–22 об.).

времени давно уже находилось у Пущина. В этом письме «Историческое известие» не упоминается. Зато в следующем, от 28 апреля, читаем: «Прилагаю при сем проект письма к министру и с нынешней почтой я посылаю Вам составленное мною историческое известие о начале и ходе крепостного состояния в России. Я по памяти изложил тут мысль Эверса, не имея при себе его сочинения и, кажется, без ошибки». Далее в письме указано, куда можно вставить «Историческое известие», если будет решено послать записку Киселеву¹. В конце концов, его не вставили в текст, а поместили в виде примечания².

Из приведенного нами текста письма от 28 апреля, как кажется, вытекает, что «Историческое известие», отправленное Пущину, было написано Фонвизиним именно в это время с целью дополнения записки «О крепостном состоянии». Вывод этот, однако, был бы слишком поспешным. В конце сохранившегося автографа «Исторического известия» Фонвизин, рассуждая о последствиях указа 1803 г. о вольных хлебопашцах, пишет: «Но по сие время цель этого закона не достигнута, и в 35-летнее его существование число уволенных в свободные хлебопашцы весьма незначительно»³. Очевидно, что если со времени указа 1803 г. прошло 35 лет, то «Историческое известие» было написано в 1838 г. Можно было бы предположить, что указание на 35-летний срок есть лишь приблизительно округленная дата. Это предположение опровергается последующей правкой этого текста при доработке записки в 1842 г. Теперь этот текст звучит так: «...почти в сорокалетнее его существование»⁴. Очевидно, таким образом, что написанное за несколько лет до 1842 г. «Историческое известие» теперь было извлечено Фонвизиним из ящика письменного стола и использовано для усовершенствования новой записки.

Сложнее обстоит дело с датировкой записки Фонвизина «О крепостном состоянии». Письма Фонвизина к Пущину, могущие служить для этого базой, сохранились по существу только за 1841 и первую половину 1842 г.⁵ Ответных писем Пущина за интересующее нас время известно только три⁶.

¹ ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 11.

² ГА РФ. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 2; «Историческое известие» осталось неопубликованным.

³ Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 295. Л. 3 об.; Следует отметить, что бумага, на которой написано «Историческое известие», существенно отличается от бумаги писем и записок Фонвизина 1842 г.

⁴ Там же. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

⁵ Кроме них в фонде Пущина в ОР РГБ имеются: два письма за 1839 г. (Ф. 243. 4. 28) и два письма за 1840 г. (4. 29).

⁶ ОР РГБ. Ф. 319 (Фонвизиных). З. 37.

Первое упоминание о записке «О крепостном состоянии» появляется в письмах Фонвизина лишь в апреле 1842 г. Нет на нее намека и в известных нам письмах Фонвизина к другим декабристам. Автограф произведения, как мы уже указывали, не сохранился. Поэтому прямыми сведениями о времени его написания мы не располагаем. Б. Е. Сыроечковский считал возможным временем создания этой записки 1841 г. Эта датировка вызывает известные сомнения. В 1841 г. Пущин ни разу не побывал в Тобольске (хотя и в 1839, и в 1840 г. подолгу жил там). Следовательно, в это время Фонвизин мог передать ему свою записку только в письме. Письма Фонвизина к Пущину за 1841 г. сохранились, по-видимому, полностью¹. Ни в одном из них нет ни слова о крестьянском вопросе вообще, ни о какой-либо специальной записке по этому поводу в частности.

Определяя в письме от 14 апреля 1842 г. время сообщения Пущину своего «предположения» словом «когда-то», Фонвизин вряд ли мог иметь в виду события прошлого года. Поэтому создание записки «О крепостном состоянии» следует отнести ко времени до 1841 г.

Оживление интереса к крестьянскому вопросу, идея возможности практического применения записки сделали ее с апреля 1842 г. предметом оживленной переписки Фонвизина с Пущиним и их совместной работы над ней. Работа эта продолжалась, судя по письмам, до начала июня. К этому времени был уже решен вопрос о способе ее доставки Киселеву. Первоначальные проекты Фонвизина о посылке «предположения» из какого-нибудь «русского города» или из Казани с анонимным письмом на имя Киселева², отправления «пакета в Петербург» со своим откровенным письмом³ были, по всей вероятности, отвергнуты Пущиним, предложившим другой план. Мысль Пущина, изложенная им в несохранившемся письме от 7 мая 1842 г., заключалась, по-видимому, в следующем: воспользовавшись помощью приехавшего в Сибирь с ревизией от Министерства юстиции его брата Николая Ивановича, отправить с ним все бумаги в Петербург, где найти способ передать их Киселеву⁴. В своем ответе Фонвизин, со-

¹ Они составляли часть переплетенного самим Пущиним тома писем 1841 г., теперь расплетенного в ОР РГБ и систематизированного по авторам писем (ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31).

² Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 3. С. 44; ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 16 об. — 17.

³ ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 13; Фонвизин писал в этом письме: «Но я остаюсь при прежнем мнении de garder l'anonyme: pour que la source d'ou cela vient n'inspire pas de la méfiance et des soupçons. Мне кажется, что безымянное письмо будет эффектнее».

⁴ Так как письмо Пущина не сохранилось, то его содержание реконструируется на основе ответов Фонвизина (см. письмо Фонвизина к Пущину от 13 мая 1842 г.: Там же. Л. 17–17 об.).